

"Аиды"
Эт. Верди

Т-992
С-Пб
Мариинский театр

кундатура. - 1999. - 21-27 янв. - с.9

ПОД ПЛИТОЙ

Премьера "Аиды" в Мариинке

"Аиды" Мариинский театр/преднес как премьеру. А ведь еще совсем недавно, если в новой постановке использовались старые декорации – в данном случае это оформление художника П.Шильдкнехта (1948), она именовалась "капитальным возобновлением". Вроде бы ушли в прошлое времена, когда требовалось лукавить, дабы выполнить план по постановкам, и поощрялось умение выдать за нечто новое хорошо отреставрированное старое. Но то ли все еще царствует логика "галочек" и рапортов, то ли в театре действительно не видят разницы между сценической обстановкой пятидесятилетней давности и современным сценографическим языком, то ли просто безразличны к терминологии (правда, в свою пользу)... Однако в любом случае неловко получается, некорректно. Предыдущая постановка продержалась более сорока лет, ее многие помнят, да и фотографии, кочующие из книги в книгу о Мариинском театре, вполне документально свидетельствуют, что и ныне перед нами во многом повторение пройденного. Решать массовые сцены в духе стилизации египетских фресок пришло в голову не только режиссеру А.Степанюку, но и в 1948-м Н.Гладковскому, а еще раньше – в 22-м – В.Лосскому, который первый (и, что замечательно, в содружестве все с тем же П.Шильдкнехтом) применил "фресковость" и "барельефность". В.Лосский в своей книге рассказывал: "Тогда же мной был введен в постановку ряд других сценических новшеств: деление первого акта на четыре картины; крылатые жрицы и ручные светильники в храме; колоссальный сфинкс в сцене у Нила..." Словом, то, что мы видим сегодня в "премьерном" спектакле, уходит всеми своими корнями во второе десятилетие XX века.

О постановке В.Лосского его современники писали дөяко – стилизация расценивалась как "крупная художественная ошибка", ход "вопреки музыки", но при этом считалось, что наличие определенно постановочного принципа позволило создать "крепкий и живой спектакль". Такой "крепкий и живой", что отзвуки его и сегодня звучат на Мариинской сцене. Преемственность традиций – вещь для искусства нормальная и естественная, и жаль, когда о ней забывают, настаивая на самостоятельности и оригинальности своего решения.

Лучшее, что в сегодняшней "Аиде" есть именно от традиции, – монументальные фресковые композиции массовых сцен, красивые, величественные картины молений и шествий. Наиболее уязвимо то, в чем как раз и мог проявить себя постановщик: выстроенность взаимоотношений, драма конкретных

героев, горящих любовью, равносудью, жаждой власти, обреченных на страдания и гибель.

Расчет на звездный состав исполнителей далеко не в полной мере оправдал себя. Да, О.Бородин (Амнерис) подтвердила свое право именоваться звездой – в вокальном отношении она была безупречна. Что касается образа гордой дочери фараона, то определения типа "страсть", "темперамент" я бы заменила на более спокойное – "эмоциональность" (а это совсем иной градус существования на театральных подмостках).

Не в лучшей форме был Г.Григорян – Радамес (особенно в первых картинах). На сцене был занят исключительно собой, точнее, звукоизвлечением – и тут уж не до Радамеса, а также Аиды и Амнерис.

В Луцок в этой роли более артистичен, внутренне подвижен, "нацелен" на партнера. Однако ему не хватает школы, поэтому при наличии молодого, полетного голоса иногда возникает тремолоция, маловато нюансов, продуманности фразировки. Учитывая, что это был дебют в партии Радамеса, хочется надеяться на лучшее – потенциал значительный.

В партии Аиды, из-за отсутствия обещанной Г.Горчаковой, по всей видимости, выручала спектакль И.Милькявичуте из Латвии. Певца многоопытная, она восполнялась, пожалуй, главным своим козырем – нежнейшим *piano*. Остальное для слушателей существовало на уровне приличий, а не удовольствия, тем более наслаждения.

Единственным, кто продемонстрировал, как должен исполняться Верди на Мариинской сцене, оказался Н.Путилин (Амонасро). С первыми звуками его голоса до того спокойно текущий, если не сказать вяло, спектакль "встрепенулся". И не из-за того, что голос у Н.Путилина красив, богат обертонами, мастерство заставляет вспомнить о настоящем бельканто, а из-за невероятной энергетичности, мощного магнетического воздействия на зал. Будто прозная волна поднялась и увлекла за собой. Это был такой накал страсти, который только и способен преодолеть оперную ватпуку, вознести мелодраму на уровень трагедии. Но поддержал этот порыв лишь оркестр В.Гергиева, который до сей поры "в одиночку" боролся за повышение температуры спектакля. (К сожалению, Амонасро появляется в двух картинах из девяти). В общем, комета вспыхнула и погасла в темной ночи.

Финал спектакля стал символическим для него самого – огромная каменная плита, спущенная на телстх цепях с небес, накрыла допевающих последнее "прости" героев. Занавес...

Елена ТРЕТЬЯКОВА